

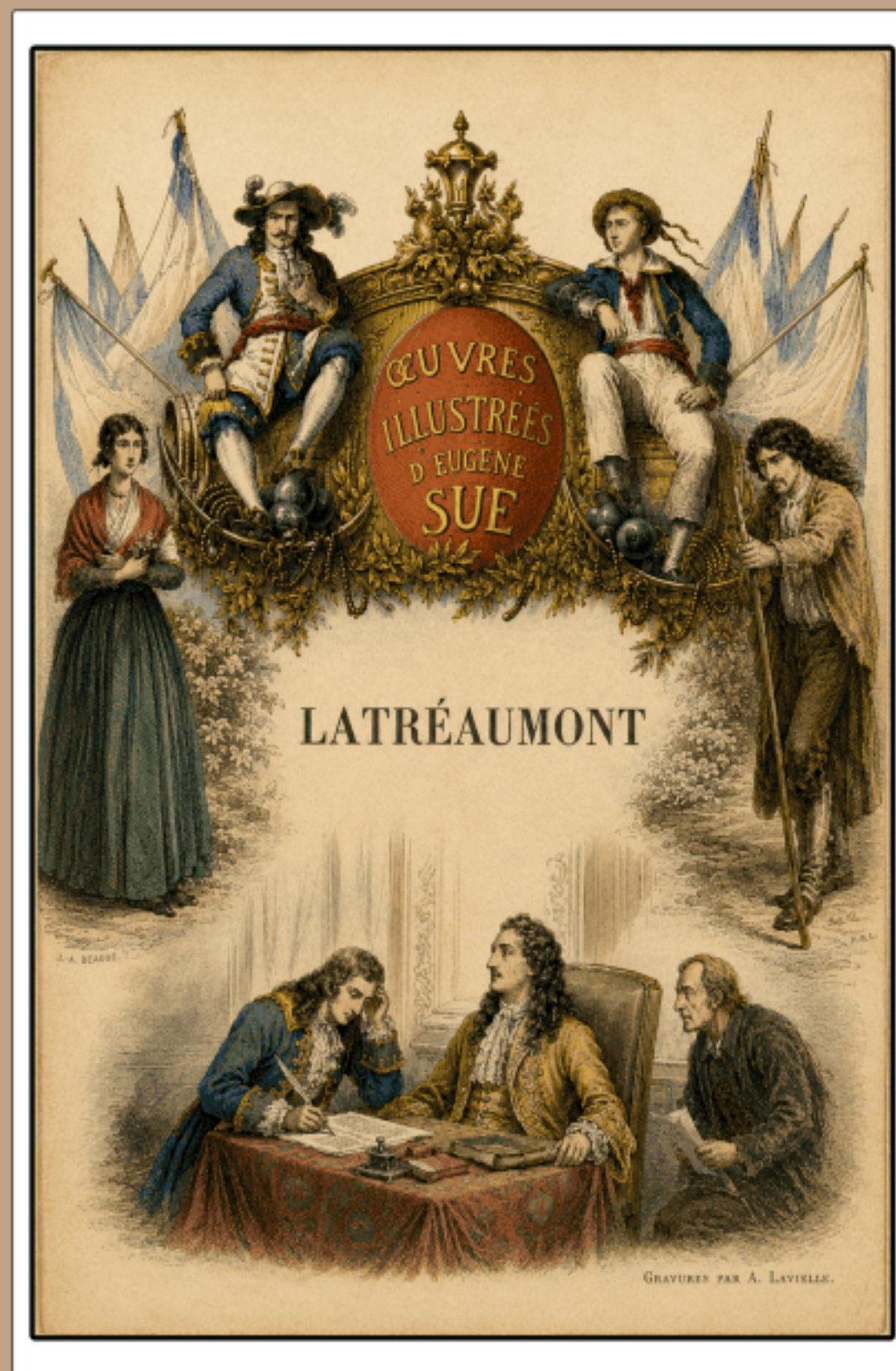
Содержание

МНОГО ВЕКОВ НАЗАД	5
I. Встреча	7
II. Град	16
III. Праздник Лады	23
IV. Вицы	29
V. Под священным деревом	44
VI. Предатель	52
VII. Похороны	68
VIII. В королевстве Святовита	85
IX. На бой с германцами!	98
X. Приготовления	110
XI. В Крушвице	118
XII. Страшная весть	128
XIII. В вислянском городе	137
XIV. Люда	143
XV. В плену	151
XVI. Найденная	158
XVII. На священный бой	168
XVIII. Заключение	178

ЧУДЕСА ТАИНСТВЕННОГО ОСТРОВА	183
I. Разочарование жизни	185
II. Загадочная катастрофа	197
III. Спасенные	204
IV. Где мы?	213
V. Таинственный опекун	220
VI. Клятва	225
VII. Первый день на таинственной земле	237
VIII. Знакомство с окрестностями	254
IX. Край вечной весны	273
X. На морском дне	277
XI. Приготовления	286
XII. В когтях предателя	292
XIII. Суд	297
XIV. Месть природы	308

*Перевод с французского Э. П. Оруджова
Печатается в редакции переводчика
Иллюстрации Жана-Адольфа Босе*

© Э. П. Оруджов, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ИП В. В. Мамонов, 2026

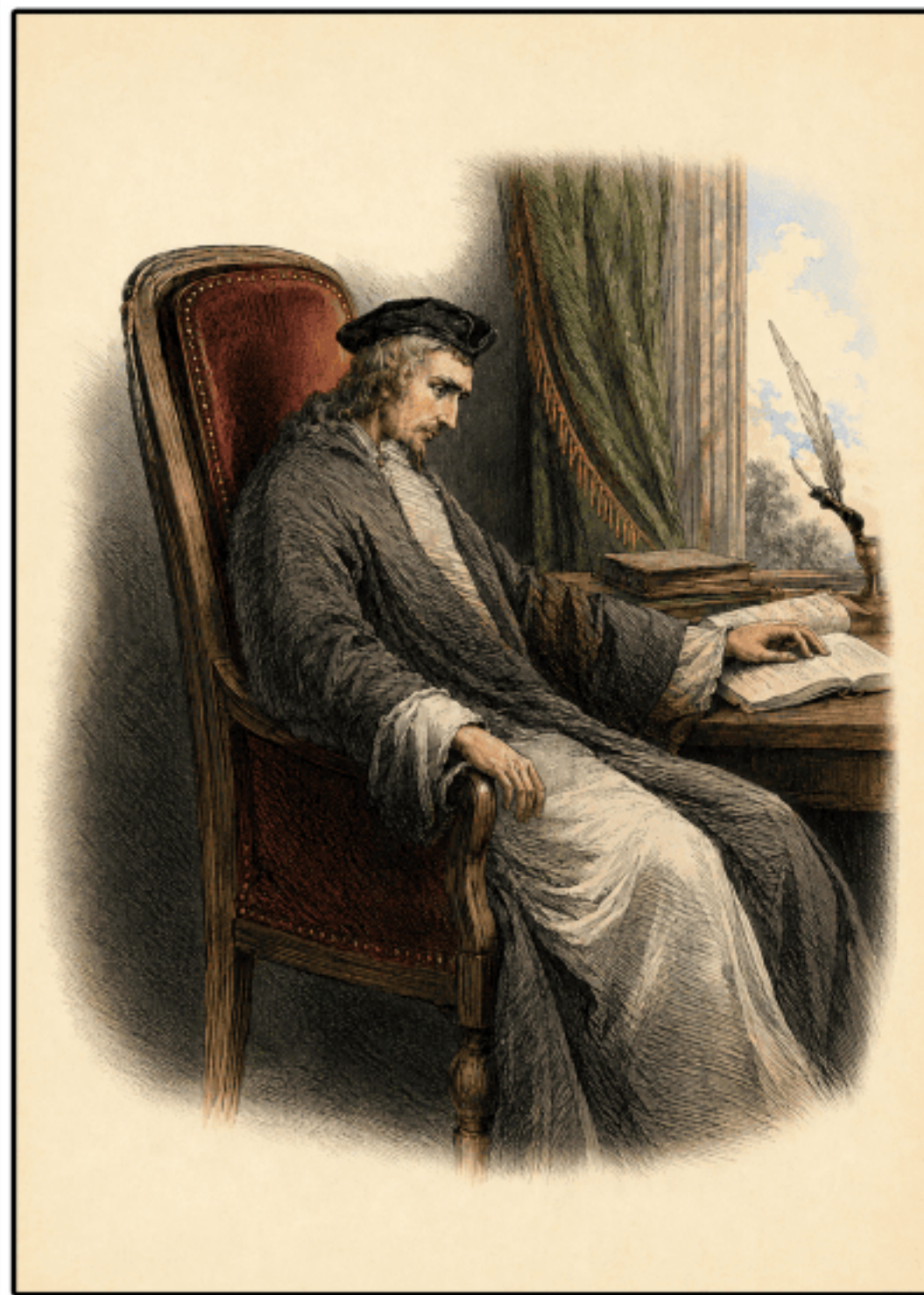

Прегрешения автора

Перед нами разворачивается драма, главным действующим лицом которой является гротескный пройдоха, воплощение жестокого юмора, настоящий монстр как в моральном, так и в физическом смысле. Этот человек, один из самых привлекательных и могущественных сановников при дворе Людовика XIV, поставлен рядом с нищим, суровым голландским старцем — выдающимся мыслителем, блестящим политиком и знаменитым ученым, который обучал Спинозу¹ и состоял в дружбе с Яном де Виттом². Среди персонажей также присутствует особа из высшей аристократии, чья самоотверженность достигает истинного героизма. Рядом с ними появляется юная дама, обладающая

¹ Спиноза (Бенедикт Спиноза) — великий нидерландский философ-рационалист (1632–1677), чьи вольнодумные идеи оказали огромное влияние на европейскую мысль. Упоминаемый в тексте «нищий и суровый голландский старец» — это Аффиниус Ван-ден-Энден, учитель Спинозы и один из ключевых участников заговора. (Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, прим. переводчика).

² Ян де Витт — выдающийся государственный деятель, Великий Пенсинарий провинции Голландия, фактически руководивший республикой до своего трагического убийства разъяренной толпой в 1672 году.

Аффиниус Ван-ден-Энден

Соединенными Провинциями. Вырвавшись после кровопролитной, ожесточенной борьбы из-под деспотического ига Испании и провозгласив себя республикой, они отважно отвоевали свои права.

И хотя подобные рассуждения словно напрашивались на пылкие речи и пламенную жестикуляцию, голос Клары-Марии, звучный и твердый, оставался пугающе ровным и бесстрастным. Глубоко убежденная в непогрешимости проповедуемых максим, она явно презирала мощный арсенал ораторских уловок. Пожалуй, они оживили бы ее речь, но лишили бы ее ледяного величия и торжественной строгости.

Один из слушателей ловил каждое слово молодой женщины с особым, почти тревожным вниманием.

Сидя у самой кафедры, он то и дело обменивался с Ван-ден-Энденом взглядами, полными нежности и восхищения. Всякий раз, когда Клара-Мария высказывала очередную обжигающую патриотическую мысль, ее слова, срываясь с мраморных уст, не теряла ни капли своей мощи... словно кипящая лава, застывающая твердой бронзой.

Этот человек кутался в грубое коричневое сукно. Скромный воротник и небрежная одежда выдавали полное пренебрежение к внешнему виду. Щуплый и невысокий, он едва достиг тридцати лет, но уже облысел, а высокий лоб избороздили ранние морщины. Оливковый цвет лица выдавал еврейское происхождение; нос с горбинкой загибался орлиным клювом; впалые щеки с выступающими скулами, тронутые нездоровым румянцем, кричали о смертельном не-

дуге, которому предстояло вскоре свести его в могилу. Словом, в этом болезненном, рассеянном лице, в этой неуклюжей осанке ничто не выдавало гениального ума и могущественного основателя нового учения... ибо этим человеком был Барух Спиноза!

Клара-Мария невозмутимо продолжала речь, как вдруг благоговейную тишину грубо нарушил хриплый напев, разом рассеяв безмолвное восхищение аудитории. За дверьми школы раздался громоподобный голос, горланящий по-французски припев старой фрондерской песенки:

Сплутовал у самой ямы,
Сплутовал, избегнув срама,
Обманул и палача;
К дьяволу попав в объятья,
Избежал его проклятья:
Душу черт искал, рыча,
Да не поймал он ловкача!

Эти слова, понятные нескольким школярам, повергли аудиторию в оцепенение. Ван-ден-Энден изумленно вскинул голову, а его дочь не смогла сдержать властного жеста негодования.

В эту секунду в Отель Муз ввалился новый персонаж.

шись к грозному министру с привычной наглостью и апломбом, партизан с ходу потребовал полк, добавив, «что, по правде говоря, денег на покупку полка у него нет, но таким людям, как он, следует платить, и платить щедро, по целому ряду причин».

Представьте себе, если возможно, господина де Лувуа — надменного, жестокого, вспыльчивого, привыкшего видеть вокруг лишь трепет и ужас, — выслушивающего подобную просьбу! К тому же просьба была высказана дерзким тоном фанфарона, столь свойственным Латреомону.

Министр побагровел от ярости, гневно тряхнул черным париком и, указав партизану на дверь, ответил:

— Поскольку я знаю ваши маневры в Нормандии, я не только не дам вам ни полка, ни роты, но еще настоятельно рекомендую временно покинуть Францию, если вы не хотите сгнить в Бастилии.

Взбешенный Латреомон погрозил господину де Лувуа рукой, осыпал его угрозами, пообещал поквитаться, изрыгнул поток проклятий и вылетел вон, с чудовищной силой хлопнув дверью.

Вне всякого сомнения, если бы не срочное вмешательство господина де Бриссака, партизана тотчас бы арестовали и бросили за решетку, но министр согласился проглотить оскорбление в обмен на торжественное обещание майора, что этот наглый гладиатор немедленно покинет Францию.

Действительно, в тот же час господин де Бриссак усадил Латреомона в седло, сунул ему несколько пистолетов и добился от него обещания вернуться в

Взбешенный Латреомон погрозил господину де Лувуа рукой.

шведской королевы Кристины, похотливой амазонки, вполне достойной страстных песен Сапфо¹, — виднелась узкая лестница, ведущая в покои фрейлин королевы.

Это жилище именовалось «апартаментами печей»: некогда Франциск I приказал возвести здесь печи немецкого образца².

предательстве (он вел тайную переписку, раскрывая ее политические секреты и насмехаясь над ней), Кристина устроила ему допрос прямо во дворце Фонтенбло, в Галерее Оленей. Когда Мональдески во всем сознался и начал умолять о пощаде, королева, считая себя абсолютным монархом, имеющим право карать своих подданных даже на чужой земле, хладнокровно приказала телохранителям заколоть его шпагами. Это жестокое убийство, совершенное иностранной гостьей прямо в резиденции французского короля, потрясло Европу и вызвало нескрываемый ужас у молодого Людовика XIV.

¹ Сапфо (Сафо) — великая древнегреческая поэтесса (VII–VI вв. до н. э.), жившая на острове Лесбос. Она прославилась своими страстными лирическими стихами и гимнами, воспевающими красоту и чувственную любовь, в том числе влечение к женщинам (от названия ее родного острова и берет начало термин «лесбийская любовь»). Эжен Сю упоминает Сапфо в связке с эксцентричной шведской королевой Кристиной не ради красного словца: Кристина славилась своим презрением к традиционным женским ролям, обожала носить мужской камзол со шпагой и имела весьма недвусмысленные, пылкие привязанности к своим фавориткам (в частности, к прекрасной графине Эббе Спарре). Для галантного, но насквозь гетеросексуального французского двора короля-Солнца подобные античные страсти северной «амазонки» были излюбленным поводом для язвительных сплетен.

² «Апартаменты печей» (*l'appartement des poêles*) — реально существовавшая часть дворца Фонтенбло. Свое необычное

Великий ловчий Франции

А перед ними мчат царицы —
Две королевских кобылицы;
Четыре старых скакуна,
В ком польза, а не стать важна!

— Прелестно! — захлопала в ладоши Олимпия. —
Четыре государственных секретаря и две фаворит-
ки. Яснее ясного.

— А теперь посмотрим, узнаете ли вы портреты, —
лукаво подмигнула Диана.

Известно всем: тот коренник —
Служака опытный, старик,
Что тайны ремесла постиг.
Шагает точно по прямой,
Бежит трусцой на свой манер;
Пройдя с успехом свой карьер,
Шагает точно по прямой,
Ступая твердою ногой.

— Это явно старик Летелье¹, — поразмыслив с

¹ Летелье (Мишель Летелье, 1603–1685) — видный французский государственный деятель, государственный секретарь по военным делам (с 1643 года), а впоследствии канцлер Франции. В отличие от своего невероятно грубого, вспыльчивого и самоуверенного сына — маркиза де Лувуа, которому Летелье постепенно передавал управление армией, — старик славился исключительной осторожностью, методичностью и бюрократической въедливостью. Придворные сатирики часто издевались над его привычкой просчитывать каждый шаг, избегая малейшего риска. Именно эту черту характера блестяще высмеивает песня: Летелье в ней уподоблен осторожной лошади, выверяющей каждый свой шаг с математической точностью

минуту, уверенно заявила Олимпия. — Слишком при-
земленный, чтобы когда-либо упасть.

Диана кивнула и запела дальше:

Второй, хоть первому сынок,
Приземист, тучен и широк,
Но вспыльчив, дерзок и жесток.
Он метит в боевых коней;
Бранит ли Солнце горячей¹ —
Упрямец глух для всех речей.
И в лютом бешенстве своем
Несется слепо напролом!

— Без сомнения, толстяк Лувуа, — отрезала Ма-
ри. — Факт налицо — он позволяет себе немыслимые
грубости с его величеством, а тот, как говорят, пуга-
ется гнева этого гордого Артабана.

Диана продолжала:

Тот третий — хитрый рысачок...
Неясен будет с ним итог,
Он псевдодофинов носил.²
Хоть от подагры слег без сил,
Пожрать и выпить он мастак³
Не зная меры, пьет, чудак...

(«как циркуль»), в то время как его сын Лувуа скачет следом
«необъезженным жеребцом», не разбирая дороги.

¹ В оригинале стоит «*Au soleil qui vitupère*». Слово *vitupérer* — это глагол «бранить, порицать, осыпать упреками» (Солнце, то есть Людовик XIV, отчитывает дерзкого министра).

² Намек на то, что Кольберу было поручено опекать внебрачных детей мадемуазель де Лавальер. (Прим. автора)

³ Его упрекали в пьянстве. (Прим. автора)

2. Мадам де Вилар

Государь, в душе женщины живет нечто, возвышающееся над всеми подозрениями и всякой клеветой... Это женская гордость!

Шиллер «Дон Карлос», Акт III, явл. 2

Муиза-Анна де Сарро, ныне маркиза де Вилар, была дочерью знаменитого Клода де Сарро, широко известного среди эрудитов XVII века под латинизированным именем Сарровиус. В те времена литераторы, движимые безмерным восхищением прекрасным языком древности, частенько грешили подобным злоупотреблением.

Уроженец Гиени, выходец из древнего и знатного протестантского рода, славившегося ярким рвением в защите принципов реформатской веры, господин де Сарро, завершив основательные занятия науками, неустанно посвящал себя философии, истории и праву.

Эти обширные познания он дополнил глубоким изучением современных языков и литератур, что вскоре позволило ему завязать плодотворную переписку со многими выдающимися умами Германии, Франции, Италии и Нидерландов. Среди его корреспондентов числились Фрейнгейм, Казобон, Эразм,

Мадам де Вилар

— А я хочу видеть, с кем имею дело! — отрезал Латреомон, нагло оглядывая маркиза с ног до головы, и добавил: — И не прогадал, ибо — тысяча чертей! — нечасто встретишь столь изящно разодетого индюка! Жаль только, придется мне сейчас изрядно помять ему перья, кружева и ленточки. Ибо этот щеголь и есть маркиз де Шатовиллен, полагаю?

Высясь над невозмутимо сидящим противником и подавляя его своим колоссальным ростом, Латреомон вплотную придвинулся к нему, высокомерно поводя широченными плечами.

Но маркиз, сохраняя ледяное спокойствие, скрестил руки на груди, откинул голову и, вперив пристальный взгляд в полковника, ответил с оскорбительным презрением:

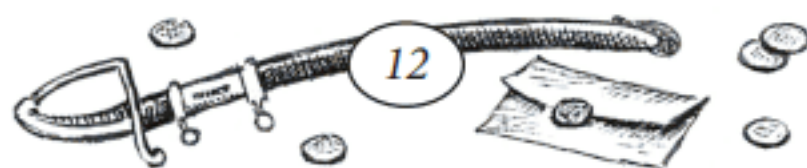
— А! Вы, надо полагать, тот самый охотник до газет?

С самого начала стычки все более встревоженные зрители постепенно придвигались ближе.

Аббат, виконт де Дре и прочие приятели Шатовиллена вскочили на ноги. Но поскольку до сей поры противники не выходили за рамки словесной перепалки, в зале царило гробовое молчание, полное напряженного ожидания развязки.

— Меня зовут отнюдь не так! Слышите ли вы, охотник до розовых лент! — рявкнул теряющий терпение полковник. — Мое имя — дю Амель де Латреомон, о чем я уже имел честь заявить.

Де Шатовиллен повернулся к виконту и, в высшей степени дерзко кивнув в сторону Латреомона, произнес с непередаваемым презрением:

*«Мое имя — дю Амель де Латреомон,
о чем я уже имел честь заявить».*